

БЕЗОПАСНОСТЬ НЕПОЗНАННЫХ ГОРОДОВ

ЛЮСИ ТЕЙЛОР

© 2011

Полтергейст Пресс

УДК 82-3
ББК 84(7Coe)6-4

Полтергейст Пресс

ЛЮСИ ТЕЙЛОР

Безопасность непознанных городов / Люси Тейлор — Полтергейст Пресс, 2020. — 288с.
ISBN: 978-1-913138-68-4

Возраст, внешность и социальное положение любовников уже давно не имеют для Вэл никакого значения. Люди стали для нее объектами, способом хоть ненадолго спастись — сбежать от одиночества и самой себя. Потерявшись в череде случайных встреч и мимолетных романов, Вэл одержима идеей почти мифического Города — то ли рая, то ли ада, в котором возможны самые немыслимые наслаждения.

Со своим крайне необычным спутником она отправляется на поиски этого загадочного места, в то время как старый знакомый Вэл, серийный убийца Артур Брин, наметил ее в качестве новой жертвы и уже напал на след. Их путь выложен телами, трепещущими в экстазе от удовольствия, боли и надежды на краткий миг забвения.

18+

Первое издание

Публикуется по договоренности с автором

© Полтергейст Пресс, 2020

© Lucy Taylor, 1995

© Т8 Издательские технологии, печать 2020

ISBN: 978-1-913138-68-4

www.poltergeistpress.com

Посвящается Мэри-Энн Бэкмен, Джоан Лаконетти и Фрэнсис
Маккиннон — дорогим подругам и спутницам в путешествиях

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда Дейв Хинчбергер предложил мне переиздать «Безопасность непознанных городов», я обрадовалась возможности познакомить с книгой более широкую читательскую аудиторию. Однако едва он добавил, что хочет новое предисловие, как энтузиазма во мне поуменьшилось: объективно написать о своей работе намного труднее, чем о чужой.

К тому же я знала, что придется освежить память, ведь я не заглядывала в «Города» несколько лет. Не знаю, любят ли читать свою работу другие, но лично я, после того как моя книга вышла из печати, этого практически не делаю. Причина, вероятно, та же, по которой мне вряд ли понравится смотреть на видео, как я занимаюсь сексом. Все это слишком опасно для эго и способно сильно расстроить: вдруг я себе не понравлюсь? Вдруг так огорчусь, что не смогу продолжать?

Хоть я и не люблю перечитывать свои опубликованные произведения, надо признать: когда я с некоторым беспокойством взялась за «Города», они мне чрезвычайно понравились... до сих пор нравятся. Многие эпизоды на тот момент я уже позабыла, особенно те, где на сцену выходит архизлодей и главный извращенец Артур Брин. Мне всегда нравился этот не ведающий раскаяния бисексуал. Пусть он психопат, но, ей-богу, в случае нужды способен подкинуть верную фразу, причем, какой бы наживкой передо мной ни болтал, это далеко не мелочь.

Пожалуй, мне так нравятся «Города» еще и потому, что это мой первый изданный роман и работа над ним позволила взять препятствие, которое прежде казалось неодолимым. Я смогла написать и, что главное, завершить крупное произведение. Конечно, попытки бывали и раньше, но закончить всегда не хватало то ли усидчивости, то ли веры в себя.

Вообще-то я не задумывала роман. Изначально это была повесть для сборника эротики «Извращенные совокупления и прочие истории»¹, опубликованного издательством «Маскарад» в 1994 году. Я и не думала расширять ее до романа, но Джон Пилан, мой редактор в «Серебряной саламандре», который уже выпустил в свет два сборника моих рассказов, предложил переработать «Города».

В итоге Пилан опубликовал роман небольшим тиражом, снабдив его чудесными иллюстрациями Алана Кларка. Позднее издательство «Тиган» напечатало книгу в Великобритании.

Произведение увидело свет в 1995 году и тогда же получило «Премии имени Брэма Стокера» за лучший дебютный роман (от Ассоциации писателей ужасов), премию журнала «Королевство смерти»² за лучший роман и «Премии Международной Гильдии Ужаса» за лучший дебютный роман. Конечно, все это прекрасно, но я часто мечтала, чтобы широкие читательские массы приняли книгу столь же тепло. Знаю, количество секса и жестокости в ней несколько зашкаливает.

Такой уж я была в двадцать с небольшим. Помню, как приехала поездом в маленький швейцарский городок. Я шла по крутой брусчатой улице, с которой открывался шикарный вид на деревню внизу и озеро, горевшее в лучах закатного солнца, как огромный благородный опал. Я еще с какой-то радостью подумала, что ни одна душа не знает, где меня искать. Никто не найдет. Никто не дозвонится. Никто знакомый не увидит. Для человека, который с детских лет раз за разом убеждался в справедливости сартровской концепции о том, что ад — это другие, момент был потрясающим. Я почувствовала себя свободной, пусть и мимолетно.

Я пыталась вернуть то мгновение снова и снова. Порой удачно, но порой, сама не знаю почему, на смену радостному ощущению свободы приходило глубочайшее одиночество и горькое чувство отрезанности ото всех и вся. Но все равно, когда приезжаешь в чужие, неисследованные города, Гонконг, Париж или Сидней, и бродишь по улицам, на которых лишь по невероятному стечению обстоятельств можно встретить знакомое лицо, в этом что-то есть.

Пожалуй, эта тяга к умиротворенности и анонимности, к странной безмятежности, что порой нисходит на человека в совершенно чужих

¹ «Unnatural Acts and Other Stories», на русский не переводилось. — *Здесь и далее прим. пер.*

² «Deathrealm».

и экзотических местах, и толкнула меня написать «Города». Добавить одержимость сексом показалось логичным следующим шагом. В конце концов, разве некоторые, смотря на тело нового постельного партнера, не ощущают себя так, словно исследуют запретную территорию, пересекают границы (гостеприимно открытые либо охраняемые), совершают возбуждающее путешествие в неизвестность? Осознанно или нет, целью становится побег от настоящей близости, знакомое пугает, а новое и неизведанное странным образом успокаивает.

Несмотря на зачастую красочные сексуальные сцены, в этой книге также говорится об отчаянной потребности человека в родственной душе. Вэл, понятное дело, ищет ее, часто меняя партнеров и страны. Хотя и не столь очевидным образом, но Брин тоже страдает от одиночества. Еще подростком обкрадывая дома, он понял, что может достичь своеобразной близости с ограбленными, просматривая их личные вещи, письма, дневники и прочее. Поздней это приобрело более темную форму: он начал изучать содержимое тел своих жертв.

Не хочу окутывать маньяка-убийцу романтическим флером, выдавая его ужасные поступки за извращенный поиск родственной души, и в то же время, как мне кажется, стоит упомянуть, что между маньяком и его жертвой действительно может существовать своеобразная пугающая близость, в особенности если добавлен сексуальный компонент.

Хотя «Города», вне сомнения, эротический хоррор, вряд ли вы возбуждены, читая роман. Вообще-то, секс в нем по большей части изображен как своего рода Сизифовы муки: неважно, насколько много, нестандартно и со сколькими партнерами совокупляется персонаж, истинное удовольствие всегда от него ускользает. В жестоком мире Города чем чаще человек предается сексу, тем сильнее попадает в зависимость от него, и новые излишества лишь будят еще более ненасытные потребности. За одержимыми поисками «безопасности» в неопробованном и незнакомом, пожалуй, и скрыт тот жестокий обман, о котором хотела я рассказать в глубине души.

Для всех, кто читает меня сейчас, могу лишь добавить: надеюсь, что Город, который ищет Вэл, оправдает ваши самые непомерные ожидания.

Люси Тейлор
Декабрь 1998

ПРОЛОГ

За ужином она украла ложку. Согрешила. Взяла то, что принадлежит хранителям.

Вечно они наблюдают, поглядывают, бросают косые взгляды на нее и других, кого здесь держат. Слащавыми, лицемерными улыбками маскируют жестокость.

И это еще не все. В глазах у них скрыты вторые, рудиментарные, крошечные и темные, будто дробинки либо подвижные глазки-шарики на кончиках насекомых антенн. Вот что за глаза она видит на самом деле. Вот что за глаза смотрят, как она мечется во снах, полных нечестивых видений, как садится на стульчак, чтобы сходить по-большому, как запускает руку под халат и щиплет себя, доводя до мучительного оргазма.

И как только эти богоравные хранители проглядели кражу ложки?

Разве что... может, они этого хотели?

Может, знают что-то ей недоступное?

Вообще-то она бы предпочла нож, но его не добудешь. За обеденным столом их даже не выдают, и еду — безвкусные, словно бумага, мясные рулеты и булочки с гамбургерами, накрытые квадратиками дешевого американского сыра, — приходится резать ребром вилки. Будто школите или варварам, что, впрочем, одно и то же. Приятно все-таки, что после столетий лет в заточении еще удастся шутить.

За мгновение до того как умыкнуть ложку, она слизывала холодный ком ванильного пудинга. Затем выронила ее на пол и согнулась поднять, еще не сознавая в полной мере ниспосланного чуда. Чуть не положила обратно на тарелку, но вдруг поняла, что завладеет этим шестидюймовым куском металла, если сумеет спрятать.

Тем вечером на ней был кардиган с длинным рукавом и, как обычно, часы, хоть те и остановились больше года назад. Все равно тут никто не обращает внимания на время: ослепительно белые стены блистательно избавлены от календарей и прочих предметов, способных помочь вырваться из лимба-чистилища в поток линейного времени с его расписаниями и умиротворяющим движением вперед.

Нет, здесь им отказывают кое в чем другом... в ощущении нормального хода времени, сезонов и утекающих лет.

Пора года здесь только одна — и это сущий ад.

Она спрятала ложку в рукаве, закрепив черенок ремешком наручных часов, и доела пудинг вилок, будто так и надо.

Будто все как обычно.

Спасибо тебе, Иисусе!

Хранители, несмотря на добавочную пару глаз, не заметили, что еще недавно она ела пудинг ложкой, а теперь тыкает в него вилок. К чему бы это? Может, хотели, чтобы она получила ложку? Более того, сами все подстроили? Может, тайно подыгрывали?

Да какая разница!

Наверное, хранители и насылают те сны, что мучают ее уже много месяцев. Сны о месте, совсем незнакомом и настолько погрязшем в пороках, что оно не имеет права на спасенье Господне. О таких невообразимых мерзостях и такой тошнотворной похоти, что, не повредись она здесь за годы рассудком, живо сошла бы с ума. Видения об извращениях и распутстве преследуют во снах и вторгаются в жизнь наяву. Можно зажмуриться, но это не останавливает поток образов. Должно быть, изображения находятся внутри глаз, спроецированы туда садистами-хранителями.

Ну ничего, теперь она взяла над ними верх.

Раздобыла ложку.

О, спасибо тебе, Иисусе! Спасибо!

Ложка.

Той ночью, закрывшись в палате, она опустила на колени перед кроватью и попыталась вознести молитвы... Куда там! Сатанинские картинки скакали перед глазами, и царство порока развертывалось во всем своем нечестивом великолепии. Она потянулась приласкать себя, но вместо этого — слава богу! — наткнулась на свое спасение.

Спасибо тебе, Иисусе!

Наверное, в этот миг хранители смотрят, наслаждаются, радуются ее мукам.

Плевать!

Сейчас она им покажет!

Она подняла ложку обеими руками и просунула холодный кончик под нижнее веко.

И подумала о другой жизни, привилегированной и комфортной, в которой очень часто начинала завтрак, снимая шкурку с грейпфрута.

Аккуратным треугольничком сдирала мясистую корку, закидывала сочный ломтик в рот и высасывала терпкую влагу.

О боже, о боже, о боже, о божеобожеобожеобоже...

Голову наполнила кровь. Тело будто пронзило разрядом высоковольтного тока. По щеке потекло что-то теплое и склизкое, словно устрица.

А теперь второй, второй...

Снова тошнотворная борьба с собственной упрямой плотью. Готово!

Она рухнула в лужу крови, радуясь благословенной темноте.

— Спасибо тебе, Иисусе! Спасибо! — И еще раз, во всю силу легких, не боясь, что кто-то может услышать: — Спасибо тебе, Иисусе!

И так до тех пор, пока в черноте опустевших глазниц вновь не начались видения. Вот тогда она закричала так закричала.

часть первая

К началу аукциона по продаже рабов Вэл Петрильо несколько опоздала. Он проводился в Гамбурге ранней осенью и проходил в подвале «Дас К***» — одного из самых скандально известных секс-клубов Европы. Покупатели сражались за право провести час-другой в приватных комнатах с кем-нибудь из полуголых мужчин и женщин, добровольно выставивших себя на продажу.

Вэл услышала об аукционе — и особом «рабе» — всего несколько часов назад и тут же вылетела из Парижа, прервав романтические выходы в обществе иранского студента-художника, с которым она познакомилась в секс-клубе на левом берегу³. Шикарный был парень. Сплошной тестостерон, ненасытность в постели и сухие мышцы. Вэл пообещала ему вернуться через несколько дней.

В лучшем случае это была полуправда. Если бы Вэл и вернулась в Париж, то вряд ли к нему. Она предпочитала новое, неизведанное и смогла себя оторвать от этого великолепного самца лишь потому, что на горизонте замаячило нечто более заманчивое.

Вэл впервые приехала в Гамбург и сожалела, что пришлось мчаться в клуб прямо из аэропорта Фульсбюттель. Столь неподобающая спешка не вписывалась в ее стиль. Вэл нравилось наслаждаться городами

³ Левым берегом (фр. *rive gauche* [рив гош]) в Париже называют половину города, расположенную южнее Сены. Кроме географического обозначения, выражение «левый берег» в Париже также связано со стилем жизни, манерой одеваться или особым внешним видом. Расположенные здесь шестой и пятый округа, бывшие в прошлом — начиная с первой половины XX века — кварталами парижской богемы, художников, писателей и интеллектуалов, лучше всего передают тот стиль, что сегодня называют «бобо» — от сочетания «богемная буржуазия».

неторопливо и обстоятельно: прибыть на поезде, причем лучше всего на заре, посидеть несколько минут в одиночестве на платформе. Она любила наблюдать за пригородными пассажирами с их деловитой походкой, за бомжами и шлюхами, которые расхлябанно шатаются по вокзалу, за иностранными туристами, зачастую робкими и неуверенными, но пытающимися это скрыть, хотя в силу незнания города и языка с опаской нащупывают путь по чужой земле. Себя Вэл никогда не относила к этой жизнерадостной, убогой и бурлящей толчее, считала скорее отстраненной наблюдательницей, кем-то вроде хозяйки голубятни, следящей за тем, как вокруг топчется и курлыкает ее стая.

Вэл словно всегда отделяла себя от других невидимой стеной, своего рода второй, целлофановой кожей, поэтому, даже когда в тело вонзались партнеры, контакт был не более чем поверхностным. Невидимая стена, за которой она себя заточила, причиняла боль, но вместе с тем служила защитой.

Наблюдение стало одной из форм безопасного контакта, блужданием в море похожих и в то же время других людей, о которых она лишь фантазировала, воображая их вкус, запах, прикосновения. Дело в том, что Вэл была сродни человеку, рожденному слепым и немым. Секс играл роль азбуки Брайля, средства общаться и завязывать отношения. Порой ей казалось, что без него она прекратит существовать.

Впрочем, в юности ей хотелось именно этого — прекратить существовать, исчезнуть из мира людей. Тихо жить в одиночестве, этаким старухой в теле ребенка, коротая дни в некоем далеком, буколическом краю.

В отцовском кабинете висела картина маслом — плоский остров в бурном море, поросший буйной зеленью и накрытый шапкой облаков цвета бледной поганки. Ровная линия горизонта прерывалась лишь очертаниями деревеньки средневекового вида.

«Это остров Оркни на севере Шотландии», — когда-то пояснил отец, за несколько лет до этого разговора заглянувший туда с семьей во время тура по Европе, и Вэл прониклась яростной, романтической тоской по этому месту.

«Когда вырасту, — повторяла она в детстве, как мантру, — я поселюсь на острове Оркни, стану писать море и обрету свободу».

Но по таинственной причине, когда мы вырастаем, многие детские мечты теряют привлекательность, и все это не осуществилось.

Когда-то, едва выйдя из подросткового возраста и прекратив менять приемных родителей как перчатки, Вэл последовала за своей мечтой

стать художницей и целый семестр проучилась в Нью-Йоркской школе дизайна «Парсонс», но вскоре на смену интересу к тонкостям формы, текстуры и цвета пришли увлечения другого рода: небесно-голубые глаза молодого учителя керамики, коралловые соски девушки, с которой она недолгое время снимала квартиру в Сохо, фиолетовоголовый член аргентинского гитариста, встреченного в ночном клубе. Попытка утолить один голод неизменно разжигала с полдюжину других, и под наплывом примитивных желаний все остальные потребности превращались в жалкое ничто.

Не прошло и полгода, как Нью-Йорк и мечта стать художницей потеряли всякую привлекательность.

Вэл перебралась в Бостон, а оттуда — в Филадельфию и так далее от любовника к любовнику, а затем и от континента к континенту — путешественница без корней, отстраненно взирающая на глубоко чуждый ей мир, если не занята в каких-нибудь эротических играх.

Чтобы утолить ненасытную жажду новых впечатлений и новых способов взбодриться, Вэл взяла привычку менять города и сексуальных партнеров будто перчатки. Даже совокупляясь, она часто мечтала о ком-то следующем, и недостижимое влекло ее куда больше тех, кто лежал на ней или под ней.

Порой, в момент скрытных наблюдений на железнодорожном перроне или в терминале аэропорта, взгляд Вэл притягивало какое-нибудь особенно необычное лицо, привлекательная линия чьей-то руки или рта, запоминающаяся форма груди или щиколотки, и если предмет интереса оглядывался, то могло завязаться знакомство, возникнуть симпатия, и тогда мелькала мысль: «Передо мной возможная сестра, брат, близкий друг до конца жизни. Или возлюбленный».

Порой эти люди действительно становились любовниками Вэл, но красота, обещанная первому взгляду, никогда не оправдывала ожиданий полностью, как и далекие города на горизонте. Одни поражали блеском, гордо вздымаясь в небо фаллосами ажурных минаретов и башнями из стекла и бетона, в других глаз натывался на приземистые обшарпанные домишки, грязные от копоты и служившие рассадниками болезней, но и те и другие не дотягивали до ее мечты.

Вот почему Вэл все время пребывала в движении. Из города в город, из постели в постель, потворствуя двум своим слабостям: одержимости переменой мест и одержимости сексом. Основным страстям ее жизни.

Правда, последние несколько месяцев Вэл толкала в путь новая цель. По излюбленным массажным салонам и частным клубам поползли странные слухи. Время от времени чей-нибудь язык развязывался под действием алкоголя или секса и нашептывал об одном месте, воплощении грез, где она до сих пор не бывала, о городе, в котором разврат достиг настолько извращенных высот, что они не укладывались в уме, — о городе, в сравнении с которым бледнели развеселые Содомы и современные Гоморры известного мира.

Рассказчик всегда ограничивался туманными намеками, однако в историях не раз упоминался человек, известный только как Турок. Вход в Город, уверяли сплетники, зависит от него.

Погоня за Турком, не суть важно реальной личностью или плодом фантазии умов слишком продажных, чтобы отличить правду ото лжи, и привела Вэл в «Дас К***». Согласно расписанию, через несколько минут предстояло пойти с молотка одному молодому филиппинцу. Днем он работал обычным грузчиком в гамбургских доках, а по ночам потакал своей тяге к садо-мазо. Прошел слух, что он встречал Турка и даже отважился побывать в Городе. Заинтригованная, Вэл решила встретиться с этим парнем.

Нервничая в предвкушении, она потягивала «Курвуазье» за столиком у сцены и наблюдала за официантом с панковской стрижкой, который в сетчатых колготках и атласных шортах жеманно прохаживался неподалеку.

Время перевалило за полночь. Вэл сидела в клубе с десяти и предпочла бы удалиться с кем-нибудь в одну из частных комнат в конце заведения, к которым и из которых постоянно тек поток пар, трио и групп, но тогда она могла бы упустить то, ради чего приехала, и остаться без красавчика и нужной информации. Так что Вэл нетерпеливо ерзала, ожидая того, за кого собралась сражаться, и пыталась не обращать внимания на клитор, назойливо пульсировавший в атмосфере страсти и феромонов.

Вэл было немного за тридцать. Стройная, с серыми глазами в изумрудную крапинку и черными волосами, которые, падая на загорелое овальное лицо, частично скрывали из виду довольно симметричные черты и отсутствующее выражение, что делало ее если и не классической красавицей, то по меньшей мере загадочной. В комнате, полной невероятных броских и даже нарочито чудных людей, ее собственное лицо и

манеры выглядели до подозрительности заурядно. Джинсы по фигуре, но не настолько тесные, чтобы затруднить ток крови. Свободная шелковая блуза. Зашарпанные ковбойские сапоги, наверное более уместные на Диком Западе, а не в европейском секс-клубе. Минимум косметики, никаких украшений в ушах, на шее и пальцах, если не считать кольца с большим сапфиром на среднем.

Стороннему наблюдателю было тяжело определить сексуальную ориентацию Вэл, а она такое положение дел любила и всячески поддерживала.

Пока с аукциона продавали пару близнецов, двух молодых нигериек с широченными носами и темно-красными губами размером с лепестки розы. В итоге девушек приобрел пожилой мужчина в бифокальных очках и твидовом пиджаке — предположительно, университетский преподаватель.

Молодую блондинку в корсете и на поводке купила лесбиянка в кожаном комбинезоне, тут же надевшая на свою добычу наручники. Затем с аукциона ушел мужчина — этакая неторопливая гора мускулов, покрытая сложным кружевом зеленых татуировок, которые оплетали его руки и ноги, будто эпидермальный кудзу⁴. За него выложило непомерную сумму вычурного вида создание с блестками на фальшивых ресницах и выпуклостью в промежности, обтянутой леггинсами из спандекса.

Но вот на сцену вывели филиппинца, которым заинтересовалось сразу несколько пожилых мужчин. Молодой, с прессом как стиральная доска, почти никакой растительности на теле. Намасленная кожа казалась слишком тугой, подчеркивая каждую мышцу, кость и сухожилие, словно корсет из гладкой и мягкой кожи, созданный специально, чтобы сорвать его кнутом для лучшего доступа к скрытым под ним радостям. Вэл подождала, пока все сделают ставки, а затем стремительно назвала столь огромную сумму, что никто не посмел перебить. Несколько соперников-мужчин метнули злобные взгляды. Может, и сам раб разочарован? Что, если он не в состоянии обслужить женщину даже под давлением обстоятельств? Не важно, за него заплачено и теперь он принадлежит ей. По крайней мере, на ближайшие часы.

⁴ Кудзу, или пуэрария дольчатая (лат. *Pueraria montana* var. *lobata*), — вид растений из рода пуэрария семейства бобовых. Известен тем, что способен оплести целые многоэтажные дома, полностью скрывая их под собой.

На пути в кассу она почувствовала чей-то взгляд и медленно обернулась. Из бара на нее смотрел парень с платиновыми волосами и зелеными рысьими глазами, одетый в шелковую рубашу и атласный жилет свободного кроя. В ухе сверкала бриллиантовая серьга, макияж глаз а-ля зомби мог посрамить боевую раскраску любой шлюхи. Бледная кожа казалась полупрозрачной, сшитой из тончайших крылышек насекомых. Поймав взгляд Вэл, парень в шутовском тосте поднял крошечную рюмочку с каким-то золотистым ликером.

Вэл не снизила до ответа, хоть парень и был красивым. Сейчас ее интересовало только недавнее приобретение.

Вскоре, расплатившись за раба, Вэл позабыла о призрачно-бледном видении у бара. Она отвела филиппинца, чье имя, по словам аукциониста, было Сантос, в комнату пыток наверху, одна стена которой представляла собой настоящую мечту садиста: кожаные стеки, восьмихвостки, приспособления для фиксации.

Вэл начала с того, что разделась сама и раздела Сантоса, после чего приказала себя оттрахать. Раб подчинился с удовольствием и пылом, но через несколько минут Вэл притворилась недовольной и заковала его в кандалы на стене. Затем выбрала из коллекции плеток самую крепкую и хлестала парня по обнаженным спине и ягодицам, пока его блестящая орехово-смуглая кожа не покрылась сетью выпуклых розовых полос.

За все время наказания раб не проронил ни звука, что несколько разочаровало Вэл. Основное удовольствие при порке ей доставляли крики и стоны нижнего, и она принялась хлестать с удвоенной силой, но так и не вырвала ни единой мольбы о пощаде.

Наконец Вэл освободила парню руки и разрешила себя трахнуть. Вскоре он довел их обоих до разрядки и кончил, содрогаясь всем телом, но по-прежнему не издал ни звука.

Какое-то время они пролежали, вдыхая пикантный запах оргазма и слушая смех и аплодисменты, которые доносились снизу, где еще продолжался аукцион.

— Я узнала о тебе в Париже, — неспешно оглаживая член Сантоса, начала Вэл на корявом немецком. — Мне говорили, ты настоящий эксперт по части извращений.

Он с улыбкой пожал плечами. Не понял? Владеет немецким еще хуже нее? Вэл перешла на английский, но Сантос лишь тупо уставился на нее и томно обвел пальцем ее сосок.

Тогда она призвала на помощь зачаточные познания в испанском:

— Это правда, что ты знаком с человеком по прозвищу Турок? И что ты был в месте под названием Город?

И снова слабая, полустрадальская улыбка, полная кокетства, но на этот раз не оставившая никаких сомнений, что он понимает. Стоило произнести «el Turco», как пенис в руке отвердел.

— Имей в виду: ты все еще мой раб. Я задала вопрос.

Сантос припал своими пухлыми губами к ее, впервые разрешая себя поцеловать.

Приглашает ее в своего рода игру, где ради сведений придется его немного задобрить? Отчасти раздосадованная, отчасти заинтригованная, Вэл решила подыграть. Вошла языком ему в рот, покружила, толкнулась и вдруг...

Отпрянула с испуганным, полным отвращения криком, чувствуя, как по спине бежит холодок.

Сантос, весело усмехнувшись, так широко разинул рот для осмотра, что стали видны гланды.

Впрочем, их, конечно же, ничто не загораживало. Взгляду Вэл предстала пустая, необитаемая пещера. От языка остался лишь серый обрубок в глубине.

Парень булькнул, издав нечеткий звук, похожий на хрюканье.

Никак не выказав потрясения, Вэл вынула из сумочки ручку и бумагу.

— Ответь на мои вопросы. Я знаю, ты все понимаешь. Пиши.

Держа ручку так, словно видит впервые, Сантос накарябалверху страницы «х». Вэл попросила снова — с тем же результатом.

Зато его член проявил намного больше тяги к общению. Он снова стоял, похотливо прижимаясь к животу Вэл. С досадой отмахнувшись от непочтительного куска мяса, она принялась одеваться.

Сантос ничего не скажет. Она купила немного, который либо не обучен писать, либо притворяется. Впрочем, парень и так, пожалуй, сообщил слишком много.

Вэл была в ярости. Но неудача лишь подлила масла в огонь, странным образом распалив желание увидеть Город.